

Содержание

Камин Святого Якова	7
Четвёртый кот	97
Спрятанные реки	119
Между волком и собакой	134
Улица Девочек	155
Кресло справа	167
Настоящее прошедшее	187
Грибы по-узбекски	202
Ида и вуэльта	231
Благодарности	252

Камин Святого Якова

Дневник одного путешествия

Пролог. Екатеринбург

Со святыми у меня всегда было хорошо. Особенно — с католическими. Я их с детства люблю, хотя мы с мамой никакие не католики, да и православными могли себя назвать с большими оговорками. Мы из тех православных, которых истинно верующие выгоняют из храма за то, что без платка и в брюках. Мы на бегу ставим свечку у первой попавшейся иконы (а ведь ходили специально — к Симеону Верхотурскому!) и покидаем церковь под хоровое шипение, заглушающее даже самого голосистого диакона.

В детстве я знакомилась в основном с католическими святыми — и не в храмах, а прямо у себя дома. Листала альбомы по искусству и — знакомилась.

Анна Матвеева

Вот святая Агата. Она держит в руках тарелочку, где лежат её отрезанные груди, и смотрит на них с каким-то удивлением, как будто сама не понимает, что это с ней приключилось. Груды похожи на светильники в нашей квартире, и я этих светильников стеснялась перед подругами, хотя они святой Агаты знать не знали.

Вот святой Пётр с ключом и святой Павел с мечом. Пётр седой, кудрявый, широколицый. Павел тоже седой, но лицо имеет несколько более вытянутое, и борода у него в форме веника. В детстве мне казалось, что святой Пётр похож на Карла Маркса, а святой Павел – на Фридриха Энгельса, но я об этом благоразумно никому не рассказывала.

Вот святая Екатерина с колесом – опирается на него так естественно, как будто это не орудие пытки, а просто нужная в хозяйстве вещь. Вот четыре евангелиста – и каждого сопровождает кто-то крылатый: Иоанна – орёл, Матфея – ангел, Марка – окрылённый лев, Луку – бык с крыльями. Вот беденький святой Варфоломей, с которого заживо содрали кожу. Святой Христофор с младенцем Иисусом и святой Симеон – тоже с младенцем. Франциска Ассизского в коричневом облачении легко спутать с Антонием Падуанским, но у Франциска рядом всегда животные и птицы, а у Антония – снова младенец, и ещё лилии.

А вот мой самый любимый святой – Иероним, по-итальянски – Джироламо. Он носит красную кардинальскую шляпу и достаёт у льва из лапы занозу. Лев пришёл в монастырь за помощью, заноза ему

Камин Святого Якова

сильно досаждала. Монахи в ужасе разбежались, но святой Иероним не побоялся хищного зверя и вылечил его. После этого лев стал верно служить Джироламо, но потом, кажется, отбился от рук.

Святой Фома (по-английски – Томас) был любопытным и недисциплинированным: вечно всюду опаздывал, пропустил и Явление Христа апостолам, и Успение Богородицы.

Святой Яков (Сантьяго по-испански) запомнился тем, что носил на шляпе красивую ракушку, немного похожую на те, которые мама привезла с моря. Единственный раз, когда она была на море, – без меня и без денег. Поэтому вместо подарков привезла то, что смогла найти интересного, – ракушки, жёлуди, шишки кипарисов, перья каких-то птиц: жёсткие сверху и пушистые, нежные снизу.

Я была тогда в пионерлагере – проплакала всю смену, скучала по маме и не хотела *участвовать*. Участвовать заставляли вожатые, воспитательницы, старшие девочки, но я просто заливалась слезами и считала даже не дни, а часы до конца заточения.

С тех пор я научилась ощущать каждый день: его начало, зенит, закат и уход.

Помню, как мама приехала за мной, – до конца смены оставалось два дня, это было нарушение режима, это было и попросту невыгодно – в конце концов, в лагере меня кормили четыре раза в день, а дома у нас иногда не было совсем никакой еды.

Но мы обе уже не могли больше ждать – никого и никогда я не ждала с такой силой, как маму тем летом. Она сильно загорела, на шее у неё были

Анна Матвеева

незнакомые деревянные бусы, и я бежала к ней, широко раскрыв руки, запнулась и упала под хохот старших девочек. Я теперь в три раза старше самой взрослой из этих девочек, но на колене до сих пор есть шрам — белый и толстый.

А мамы больше нет.

Вот уже пять лет как нет моей мамы. Жди не жди, она не вернётся.

Об этом знают все святые, и лучше других — святой Яков, Сантьяго. Гроб с его останками море принесло к берегам Испании. Маму я похоронила на Северном кладбище — главный вход там похож на футбольные ворота.

Сегодня начинается моё путешествие к святому Якову. Я лечу в Москву, потом в Париж, оттуда — поездом до города Сен-Жан-Пье-де-Пор и — пешком через Испанию.

Истинно православные скажут, что и в России есть маршруты для верующих. Если так уж хотелось поиграть в паломницу, можно было бы пройти пешком из Москвы до какого-нибудь монастыря.

Но и у буддистов есть такие маршруты. И у мусульман.

Они у всех есть. А я пойду к святому Якову — отнесу ему ракушку из детства: ей почти тридцать лет. Ракушка поблёкла, справа у неё отломан ребристый кусочек, но она по-прежнему пахнет морем. И шумит в ушах родной кровью.

День первый. Москва

Сорок лет — ума нет.

Всё предусмотрела, обо всём позаботилась, прочла и учла советы бывалых. Обязательно разносите обувь, в которой планируете идти на маршрут, — разносила. Возьмите с собой шлёпанцы, пустую бутылку для воды, беруши, спальник и средство от клопов — взяла. Заранее отметила на карте муниципальные «альберги», где паломников ждёт дешёвый ночлег. Целых три года копила мили, чтобы сэкономить на перелётах. Выучила испанский язык — точнее, попыталась выучить, потому что он мне не нравится. Он грубый, сердитый, как будто специально придуман для хриплых, севших голосов. Но слов двести я усвоила и спросить дорогу до ближайшего альберго уж точно сумею.

Я бросила курить и три года ходила пешком на работу в любую погоду. Мы живём, то есть теперь уже я одна живу на улице Амундсена, а работаю на Вторчермете, и это не ближний свет.

Я коротко постриглась и никак не могла привыкнуть к своему отражению — поэтому решила, что буду отныне смотреться в зеркало лишь в самых крайних случаях.

В общем, я продумала каждый шаг этого месяца — выбранного после долгих раздумий апреля, когда на пути Святого Якова — «камино де Сантьяго» — всё-таки теплее, чем зимой, а туристов не так много, как летом. Я оставила ключи от квартиры соседке, чтобы поливала цветы. Отвезла кота

Анна Матвеева

коллеге. Оплатила все счета. Приладила к отпуску давно собранные отгулы – и они соединились так легко, как будто были частичками одного пазла. Начальница Александра Павловна долго сидела над моим заявлением, но, не найдя, к чему придраться, поставила свою подпись – лихой росчерк на полстраницы.

Я только одного не учла – крохотной ямки на московском асфальте. Ступила в неё доверчиво, не глядя – потому что взгляд мой был прикован к блестящему куполу какого-то храма. Куполок был ни дать ни взять конфета трюфель в золочёной фольге – об этом я думала, пока спотыкалась и падала. Результат: левое колено свезено до алого мышечного шёлка. Правую ногу я подвернула так, что удар пришёлся на косточку лодыжки. Она сильно распухла ещё до того, как я со своим рюкзаком доплелась наконец к тётке Юле в Строгино.

На самом деле тётка Юля мне никакая не тётка, а просто старинная мамина подруга, которая переехала в Москву лет сорок назад, как раз когда я родилась. Своей семьи у тётки нет, и поэтому она сразу же стала мне второй мамой. Баловала меня, воспитывала, наряжала. Все модные вещи, которые были у меня в юности, приехали с okazji из Москвы – и сапожки-дутики, и теннисная сумка из клеёнчатой ткани, и кроссовки «томис».

Я ещё из лифта не успела выйти, а тётка Юля уже вручала мне какие-то подарки.

– Ничего с собой не возьму, то есть возьму, но на обратном пути, – отбивалась я.

В квартире пахло приготовленной по всем правилам печеню в сметанном соусе.

Идею пойти пешком в Сантьяго тётя Юля решительно осуждала. Дело было даже не в том, что это чужие католические мощи, — у тётя достаточно широкие взгляды. Дело в том, что тётя боялась потерять ещё и меня — и остаться в этой жизни в совершенном одиночестве. В мою физическую форму она не верила — считала, что я *обезножю* в первый же день.

Мамину смерть мы переживали вместе и так и не пережили до конца. Во всяком случае, я.

Первые месяцы перезванивались каждый день. Тётя Юля спрашивала:

— Не снилась сегодня?

Так буднично, как о погоде или пенсии.

Мне мама снилась редко, зато тётю Юлю посещала исправно — и я звонила в Москву, чтобы узнать, как у неё *там* дела. Глупость несусветная, но мне становилось легче, когда тётя рассказывала — красочно, с подробностями, — что они с мамой во сне делали, о чём говорили и как мама выглядела (обычно — хорошо).

А мне если вдруг и выпадал счастливый сон, где я снова видела маму, то я прямо там, во сне, сомневалась, точно ли это она? Потому что мама во сне всегда немного отличалась от моих воспоминаний и от своих фотографий: то ростом была почему-то меньше, то причёску вдруг носила другую, то ещё какая-то неточность выплывала на первый план, и я мучилась от неспособности радоваться нашей встрече — такой короткой и долгожданной. Просы-

Анна Матвеева

палась — и ругала себя последними словами, а потом звонила тётё Юле и слышала очередное:

— А мы сегодня с Ленкой по грибы ходили!

Где-то он был, недоступный мне мир, где мама была жива и смеялась, прикрывая рот ладонью (в детстве внушили, что так приличнее), — и быстрее всех собирала грибы.

Я вот ни одного гриба в своей жизни не нашла.

— Ну и какой из тебя походник? — сердилась тётя Юля. — Давай раздевайся, обработаем твои ранения.

Свезённое колено к ночи почти перестало ныть, а вот правая лодыжка распухла ещё сильнее.

— Пока к доктору не сходишь, никаких тебе святых! — сказала тётя Юля.

Хочешь быть молодой — навещай стариков.

Мама мне сегодня не приснилась.

День второй. Москва

У врача, к которому меня записала тётя Юля, наверное, диабет.

Он высокий, полный и, судя по всему, плохо видит.

Когда доктора тоже чем-то болеют, это делает их человечнее.

По моим наблюдениям, самые высокомерные люди — это врачи и переводчики. Вместе со своими познаниями они получают гордость за себя и пренебрежение к тем, кто такими познаниями не обладает.

Врач ничего не говорил, только сопел, когда я рассказывала ему про ямку на асфальте. А когда услышал о камино, то слегка поднял брови — возможно, что на его эмоциональном языке эти брови означали крайнюю степень удивления.

— Вам не камино требуется, а камин. Лежать в тепле и покое, лечиться! — неуклюже пошутил доктор и тут же сменил тон: — Вот так трогаю — больно?

— Больно, но не очень, — сказала я.

— А вот так?

— Ой, вот так лучше не трогать совсем!

Доктор снова поднял брови.

— Давайте-ка на рентген — в двух проекциях. И снова ко мне, со снимочком.

Рентгенолог укладывала меня на столе, как курицу на противне — любовно поправляла так и этак. Свезённая вчера коленка вдруг снова заныла — видимо, чтобы составить компанию лодыжке.

— Не двигаемся, женщина! — сказала рентгенолог, и я послушно застыла под свинцовым фартуком.

Потом на пути в кабинет рассматривала *снимочек*. Даже моих убогих познаний в медицине хватило, чтобы понять — маленький фрагмент косточки оторвался и висит теперь, точно космонавт в невесомости.

(Между прочим, какие у меня красивые кости! Обычно ведь нет повода ими любоваться.)

Доктор глянул на снимок мельком — и принялся строчить на листке со штампом. Никогда не видела, чтобы люди так быстро писали!

Анна Матвеева

Я терпеливо ждала.

— Больничный нужен?

— Нет, спасибо. Я в отпуске.

— Вот это хорошо! — обрадовался врач. Ещё что-то черкнул в листе назначений, потом достал из кармана халата личную печать.

— Так что же у меня такое? — насколько могла весело и беззаботно спросила я.

— Апикальный перелом наружной лодыжки с отрывом таранно-малоберцовой связки справа. Никаких вам пеших переходов!

Чёрный носок без пятки называется красивым словом «ортез» — его шнуруют, как коньки, и носят целый день, не снимая. Ещё надо купить ортопедические стельки. На лодыжку утром и вечером наносить аэртал, трижды в день пить таблетки трёх видов и не поднимать тяжести больше чем в пять килограммов (мой рюкзак весит десять).

— Если срастётся неправильно — будут оперировать, — предупредил меня доктор. — Вы очень рискуете! Какая-то у вас нетипичная для вашего региона безответственность.

Видимо, у него много знакомых уральцев, и все как на подбор — ответственные.

Я подписала кучу бумаг: отказ от госпитализации, гипса, костылей и здравого смысла.

Брови у доктора теперь уже вообще не опускались — так и зависли на линии волос, пока он составлял для меня альтернативный план лечения. Тот самый — с носком-ортезом, стельками, таблетками.

Доктор ещё раз дыхнул на личную печать — и прижал её к бланку с рецептом. Я подумала, что это похоже на штамп в паспорте паломников, который я получу послезавтра в Сен-Жан-Пье-де-Пор.

Из кабинета вышла с фальшивой улыбкой на лице. Тётя Юля пыталась прорваться к доктору, чтобы узнать всё из первых уст, но её очень вовремя оттеснила нервная женщина с худеньким под-ростком.

— Мы на пятнадцать сорок! — сказала женщина, и я чуть было её не расцеловала, но вовремя отско-чила, чтобы не получить ещё и дверью в лоб.

— Обошлось малой кровью, перелома нет, здоро-ва, — вдохновенно врала я на пути в ортопедиче-ский салон. Там были приобретены стельки и тот самый носок-ортез, выглядевший так эротично, что я призадумалась, не купить ли второй. Потом — в аптеку. Потом домой — ужинать и выдвигаться в сторону аэропорта.

В метро тётя Юля странно притихла. Сидела ря-дом со мной такая маленькая, что мне в какой-то момент показалось, это мой ребёнок — девочка в беретке с помпоном.

— А давай я с тобой пойду в этот самый поход? — осенило её, когда я уже садилась в экспресс до Шереметьева.

— У вас нет визы! И это не поход, а паломниче-ство!

Тётя Юля, как это было заведено у них с мамой в молодости, махала мне вслед, пока я не скрылась из виду. Не было нужды снова и снова оборачи-

Анна Матвеева

ваться, чтобы проверить — она стоит там в своём беретике и машет.

День третий. Париж

Шереметьевских пограничников чрезвычайно заинтересовал носок-ортез — в него с двух сторон вставлены железные держатели, которые любому покажутся подозрительными. Целый консилиум собрался над моим носком. Обсуждали, можно ли использовать его в качестве оружия, если под руку не попадётся ничего более достойного. К счастью, я вспомнила, что у меня с собой есть справка от доктора, чек из ортопедического магазина и, главное, распухшая лодыжка — предъявив все эти сокровища по очереди, я всё-таки прошла предполётный досмотр и долго шнуровала потом злосчастный ортез в целой компании мужчин, застёгивающих ремни на брюках. Давно позабытое зрелище... Я даже вспомнила — мельком, невсерьёз — Леонида, с которым у меня был недолгий роман на третьем курсе. Это имя — Леонид — мне никогда не нравилось. Какое-то оно мягкое, бескостное... Мужскому имени нужна буква «р». А женскому — «л». Наши имена — мамы, тёти, моё — все с буквой «л».

Лодыжка часто пульсировала, как будто бы туда переселилось сердце. За иллюминатором сияла Москва — ночным электрическим солнцем. Где-то там, в Строгине, сидела тётя Юля, сгорбившись за